с чувством радости за страну, пережившую ночь сталинщины, со счастьем жизни и работы. «Все, что ты мне предсказала хорошего в близком после инфаркта будущем, начало сбываться в конце лета. ⟨...⟩ Мне удалось переделать чудовищную махину обоечастного Фауста, как мне хотелось» (30 декабря 1953 г.) [23, с. 271].

Наконец, книга вышла, и можно окинуть единым взглядом весь труд. «Я знаю, что много хорошего в переводе. Но как мне рассказать тебе, что этот Фауст весь был в жизни, что он переведен кровью сердца, что одновременно с работой и рядом с ней были и тюрьма, и прочее, и все эти ужасы, и вина, и верность» (7 января 1954 г.) [23, с. 274]. За этими немногими строками стоят страшные события ареста О. В. Ивинской. Ее взяли 6 октября 1949 г., они ждали ребенка, из-за бесчеловечного обращения в тюрьме О. В. Ивинская потеряла возможность стать матерью [24, с. 114—157]. Пастернак подразумевает в письме от 7 января 1954 г. страшные параллели между судьбами Фауста и Маргариты — и своей и О. В. Ивинской. В такой обстановке, в таких настроениях создавался перевод «Фауста». О. В. Ивинская была освобождена только после смерти Сталина [24, с. 183].

Продолжение письма от 7 января 1954 г. содержит итоговую оценку. «Последнюю волну живой воды, расшевелившей текст, я пролил на него в листах корректуры нынешним летом. Переделки мои, совершенно новые страницы, количественно очень многочисленные, уходили в возвращаемых листах, у меня дома следов от сделанного не оставалось и вследствие спешки я ничего не помнил. С результатами я столкнулся только теперь, и во всей книге строчек, которые продолжали бы меня коробить своей скованностью, наберется не больше десятка, их так легко было переделать,— не хватило смелости отойти от буквы подлинника чуть-чуть больше в сторону, на свободу. В остальном же все звучит и выглядит, как мне хотелось, все отлилось именно в ту форму, о которой я мечтал» [23, с. 274].

Так выясняются масштабы сделанного. Работа, начатая для заработка, ради возможности написать «Доктора Живаго», захватила Пастернака, вобрала в себя весь его литературный опыт, судьбу страны, далеких и близких, его собственную жизнь и была выполнена, с его точки зрения, со всем доступным ему совершенством. Пастернак, однако, в письмах повторяет, что главный его труд все-таки не «Фауст», а «Доктор Живаго». А его адресат, О. М. Фрейденберг, знакомая с романом (хотя не со всем и не в окончательной редакции), сочла именно перевод «Фауста» главным подвигом Пастернака. «Фауст — это монумент твоей славы. ⟨...⟩ Тут уж нет ни вкусов, ни школ. Означаешь ты будущее или прошлое, Сурков ты или Исаковский, Бурлюк или буржуй — или Александр Александрович Смирнов. На Фаусте они зубы себе обломают, потому что это шире — для русской культуры,— чем Шекспир или Пастернак. Это первый русский Гёте ⟨...⟩ Простота формы сочетается с полнотой гётевской мудрости ⟨...⟩ Ты изменил природу перевода, сделав его из обычного иностранца в кафтане — самостоятельным оригиналом, который жадно читается без ощущенья, что ты в гостях» (письмо О. М. Фрейденберг Пастернаку от 6 января 1954 г.) [23, с. 275—276].

Следует учесть еще один рычаг, заставлявший Пастернака работать в переводе. Весь творческий путь Пастернака вел от поэзии и прозы для немногих, усложненной лексически, синтаксически, метрически,— к поэзии и прозе для всех, неисчерпаемо глубокой, к искусству последних вопросов, облеченному в ясные формы. «Большая литература существует только в сотрудничестве с большим читателем»,— сказал он [25, с. 125]. Тираж первой книги Пастернака «Близнец в тучах» нам не известен. Вряд ли он превосходил тираж второй книги, «Поверх барьеров»,— 500 экземпляров. Стоит сравнить это с судьбой «Доктора Живаго», еще при жизни автора переведенного на десятки языков, чтобы охватить путь